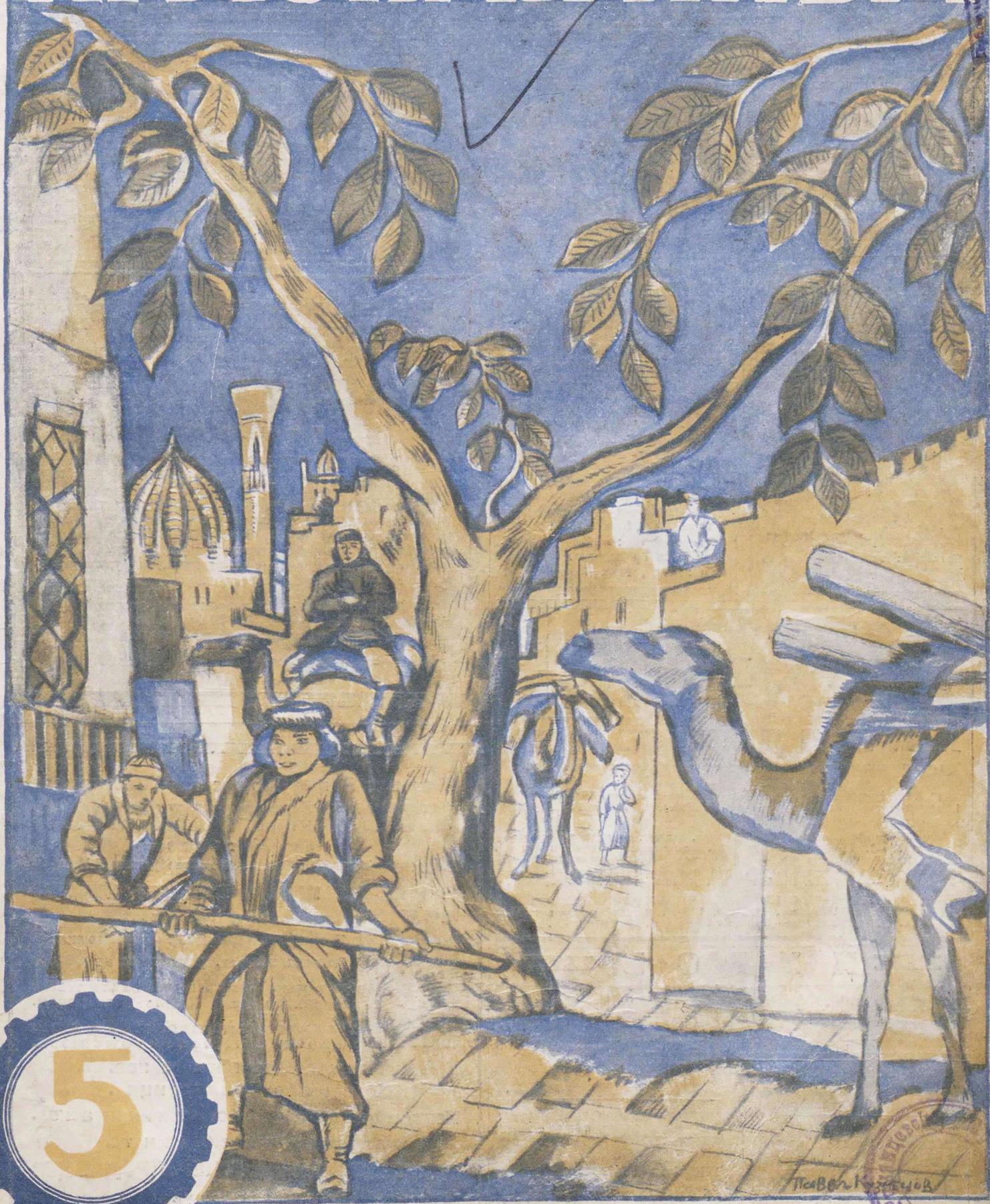

КРАСНАЯ НИВА

Павел Кузнецов

(Оригинальный рис. для „Красной Нивы“).

БУХАРА

Митинг на площади в Старой Бухаре

Старая Бухара

Очерк
Адалис

Бухара—базар Средней Азии, рынок на языке экономистов и несправедливо утверждение железнодорожного справочника, будто она расположена в 12-ти верстах от пути Ташкент—Красноводек (12 верст эти занимает Новая Бухара—Каган). Нет, Бухара город проточный и естественней думать, что в нее впадает кипучая быстрая ветка Ташкент—Бухара и вытекает ленивая желтая Бухара—Красноводек; а еще вытекает из Бухары заветный песчаный путь до Афганской границы и сухо излучается множество караванных дорог на Хиву, Таджикистан, Туркмению,—всюду, куда любо умным и жадным купцам.

В положении молодой участницы Советского Союза она чувствует себя подчас стесненно и нет-нет сбивается на прежний тон древнего города искусной торговли, ростовщичества и крови. Но припадок буйной восточной меланхолии проходит и снова жизнь вливается в русло советских законов и торговых представительств.

Бухара обнесена глинобитной зубчатой стеной сказочного и недоброго вида. Еще

недавно держались на запоре огромные железные ворота; они слишком медленно распахивались перед гостем и неожиданно легко закрывались за ним. Смуглые стражи смотрели устало и неподлюбья. Бухара дышала зноем, малярией и изменой.

Малярия почти ликвидирована: все священные пруды и болота высушены; вода приходит из колодезь—настоящая вода. По старому обычаю, на полпути из Кагана к Бухарским воротам сидит старик; он качает из колодца, бывшего когда-то драгоценным, эту холодную воду и с благословением предлагает ее путникам (приезжающим то-бишь), а опивки извозничьим лошадям; его благодарят мелкой монетой. Вместе с малярией пропадает «ришта»—те самые знаменитые белые черви, которых бухарцы спокойно и сосредоточенно выматывают на палочки из своих волдырей. Ни ришты, ни злокачественной малярии, ни смуглых стражей, ни пышного и непонятного эмира.

Но кровью еще пахнет в Бухаре—старой, заржавевшей, расплывшейся на атомы кровью.

Мы смеемся, везая в ворота, смеемся над безвкусным и чудовищно-оранжевым дворцом в честь Николая II в Кагане, смеемся над свирепым старшим поколением мохнатых бухарских собак, над риштой, над явучко корявыми дынями и огурцами... Но чем глубже в город, тем меньше хочется смеяться. И когда один из нас советует прежде всего осмотреть «зиданы»—тюремные подземелья эмира бухарского—это кажется необходимым и само собой разумеющимся. Конечно, зиданы!—а потом базар. Но осматривать последний специально не приходится. Вся Бухара—огромный крытый базар-лабиринт. Две площади прерывают его: одна по имени Лебе-Хауз, другая—Регистан. На Лебе-Хауз чайханы, европейская пивная, мусульманское общежитие в гигантских развалинах медресе ¹⁾ и полотно кинематографа над самой водой, зеленой, квадратной, грязной водой Хауза ²⁾. Правее Лебе-

¹⁾ Высшая мусульманская школа.

²⁾ Священные водоемы, устраиваемые около мечетей для омовения.

Хауза расположено все, что так хорошо знаешь по чужим восторгам и книжкам: тут и минарет смерти и громоздкий невысокий мазар¹⁾, и облупленные старинные мечети. Тут еще белый зной, широкие каменные ступени, нищие и аисты—священные птицы Бухары.

Вторая площадь через три-четыре базарных улицы. Чахлый сизер, снова развалины с аистами, снова чайханы и дворец бывшего эмира бухарского—теперь «Областной Зеравшанский Исполком». Больше всего меня поражает окраска одного из куполов дворца. Удивительно зеленый цвет пасоя²⁾, такой странно веселый и одинокий на Востоке, в стране киновари и бирюзы. Внезапный и чудесный цвет.

С пропуском в исполкоме трудно. Ниша и лестницы охраняются суровыми часовыми. В служебном помещении стуженная повенному типина; глаза недоверчивы, губы сжаты; голоса звучат низко и глубоко. Кажется, будто тень эмирского прошлого легла на исполком: дворец еще дышит прежним, холодным и жестоким дыханием. Наконец, нам дают проводника—печально и черноглазого красноармейца-узбека. Он ведет нас на вышку, откуда Бухара кажется светлой и простой. Крыша вся усеяна камнями, осколками, землей: здесь раскапывали газну эмира. Восемь кованых, тяжелых сундуков уже уехали, найдутся еще. Всякому, кто влезет на крышу дворца без пропуска,—выстрел. А часовой—добрый старик с мохнатыми бровями.

После крыши проводник идет к подземельям. У входа в первый зиндан он останавливается.

— Женщина нельзя, женщина маленький.

Я настаиваю. Он пожимает плечами:

¹⁾ Гробница.

²⁾ Жевательный кушкунный порошок.

— Хорошо; два зиндан, три зиндан смотри. Потом нельзя.

«Два зиндан, три зиндан» подземелья, как подземелья, неглубокие, темные; бы-

Туркестанский виноградарь

Рис. Павла Кузнецова.

вают тюрьмы похестче, хоть и посветлей—в царской России, например. Говорю это проводнику, он мрачно усмехается; еще раз усмехается через плечо: а после долгой ссоры соглашается вести дальше и глубже, в ямы для политических, знаменитый зверинец эмира.

Мы идем с керосиновой, кухонной лампочкой по скользким, обрывистым ступеням; пахнет крысами и жабьей слизью; пахнет еще чем-то—приторно и тошнотворно. Спустились. И первый шаг—по человеческим костям. Пол завален скелетами и черепами. На стенах ржавая кровь. В одну из стен вделана короткая, необычайной крепости, цепь; человек, которого она держала когда-то, давно рассыпался—это единственный способ бегства отсюда. Вторая стена почти сплошь закопчена старой кровью; третья испещрена мусульманскими надписями—беззвучными жалобами и проклятиями.

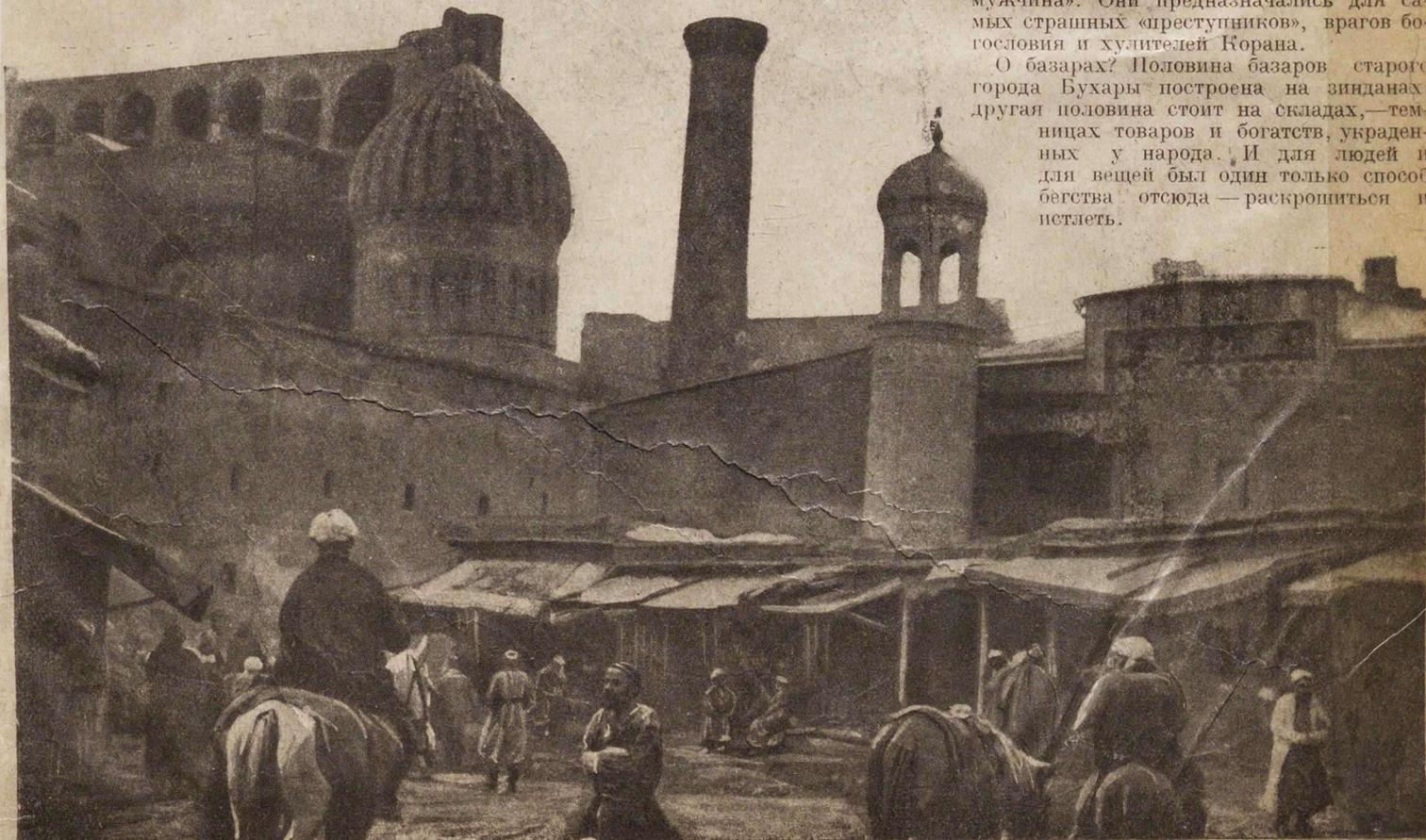
Есть, конечно, и четвертая стена. К ней был прикован десять лет революционер, по имени Курбан, покушавшийся на отца последнего эмира. Низко на стене он нарисовал (стоя на коленях, вероятно) корабль с раздувающимися парусами, такой, как на средневековых картинках; и надпись под рисунком: «Корабль будущего». Наш красноармеец-узбек поклонился этой стене вежливым, восточным поклоном. Потом, выводя нас из темницы, он обернулся уже на пороге и поклонился еще раз. На лестнице лампа погасла и, спотыкаясь, мы наступали руками на жаб.

— Курвака (жаба) сотня лет жить и два сотня,—сказал узбек.—Он сам Курбан видел и сын Курбан видел и Хабибулла. И всякий, кто здесь умирать за правый дело. Больше он ничего не сказал.

Их было тут чуть ли не 90 из 100, кто умирал за правое дело. У них нет ни биографии, ни истории, ни потомства. И у всех одно лицо—с сурово-сжатыми губами—лицо возмущенного народа. А там, выше, в первых трех-пяти нестрашных и простых зинданах, весело коротали недели наказания вора, разбойники и убийцы.

В самых глубоких ямах мы не были. Они теперь полузамурованы. Их вида, говорят, не может вынести «ни конь, ни день, ни луна, ни тридцатипятилетний мужчина». Они предназначались для самых страшных «преступников», врагов богословия и хулигателей Корана.

О базарах? Половина базаров старого города Бухары построена на зинданах: другая половина стоит на складах,—темницах товаров и богатств, украденных у народа. И для людей и для вещей был один только способ бегства отсюда—раскропиться и петлеть.

Базар в Старой Бухаре

КРАСНАЯ НИВА

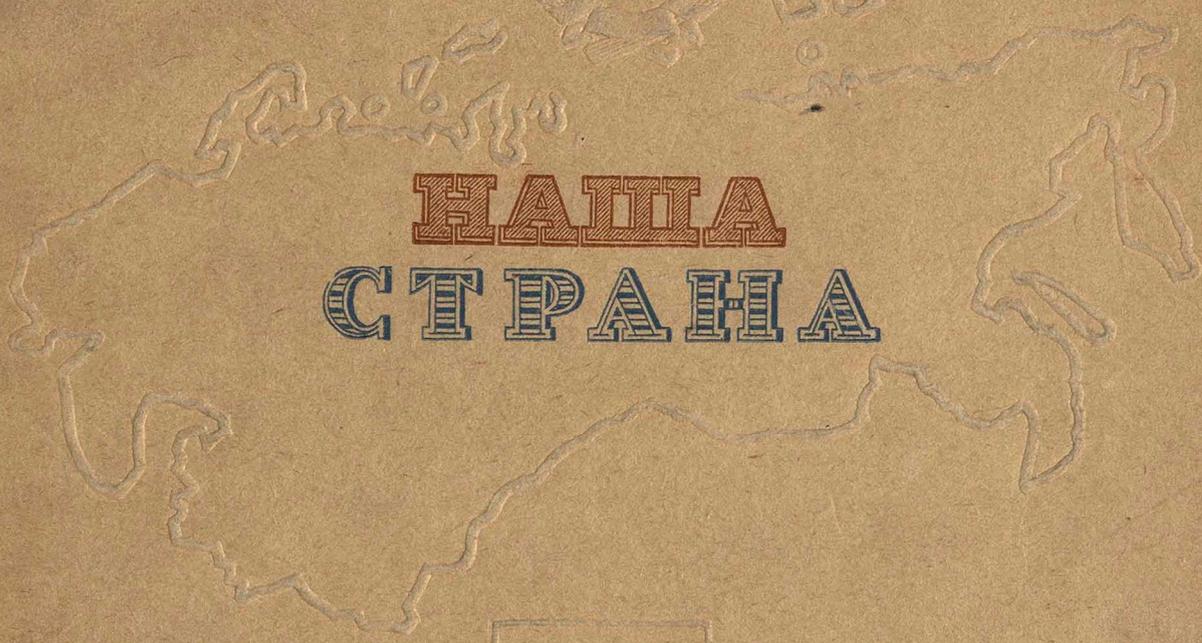

Из узбекистанских фотоэтиюдов

1937

1.
Всесоюзная
Библиотека
в М. Ленин

XX 456
45

НАША СТРАНА

12
ДЕКАБРЯ
1937

ВСЕ НА ВЫБОРЫ
в ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

9
1937

п

Ташкент

А. АДАЛИС

1865 год. Туркестанский край был «замирен». Ташкент — древний «каменный город» — стал резиденцией российского генерал-губернатора Средней Азии. Сюда потянулись любители легкой наживы, со всех концов съезжались царские чиновники с женами и скарбом. Стекались сезонники для строительных работ; стекались слесаря, кузнецы, портные, мебельщики, — они нужны были как обслуживающий персонал для русской колонии.

Первое и единственное впечатление приезжих была пыль. Пыль обволакивала человека со всех сторон, набивалась в грудь, лежала под ногами мягкой и толстой пеленой.

В непроглядном тумане пыли вдруг вставали причудливые телеги — маленькие, с колесами в поддома вышиной! Их везли крошечные ослы или огромные, костлявые лошади. В тумане пыли появлялись и исчезали, сверкая глазами и зубами, смуглые люди в халатах: приезжая публика знала понаслышке, что это — разбойники и головорезы. Шутка ли — «туземцы», «сарты», дикари! Город был полон полицейских.

В узких улицах, душных и глубоких, как земляные норы, двигались безликие, безрукие и безногие «туземные» женщины. Это были не люди, а серые и голубые квадраты со вписанными в них черными треугольниками: на женщину был накинут холщевый мешок, а лицо скрывалось за густой сеткой из конского волоса.

В узких коридорах улиц стоял чад бесчисленных харчевен. Здесь на жаровнях жарилась баранина, конина и козлятина. Прямо на улицах, под навесами, клокотали гигантские самовары, распространяя угар. «Туземцы» в изодранных халатах пили чай, рассеявшись по краям пыльной дороги. По дорогам гуляли городовые и дворники, огревая хлыстами черноглазых нищих и детей. Но приезжей публике все же было страшно. Все громче гудели колокола новых церквей. Все чаще ходил городской. Содержание полиции было основной статьей расходов города.

По вечерам и по утрам на минаретах 250 мечетей протяжно кричали азанчи и муэдзины. Тогда черноглазые склонялись лбами к земле, где бы их ни заставал крик муэдзина: в харчевне, на дороге или под жандармским хлыстом. А потом над селеньем поднимался многоголосый, человеческий вой: «замиренные» оплакивали свободу сыновей и братьев, павших в боях, дочерей, опозоренных офицерами, дома, обращенные в пепел, посева, растоптанные сапогами..

Русские промышленники и купцы, для которых велась эта война, желчные чиновники и слабонервные чиновные дамы решили отгородиться от Азии.

«Новый Ташкент необходим только для того, чтобы стереть следы старого» — писал по этому поводу Салтыков-Щедрин.

И вот рядом с азиатским селеньем выстроился «европейский» Ташкент. Срыли кое-какие землянки, отогнали «сартишек», поставили белые, красивые особняки. Крымские садовники посадили акации, тополя, мимозы, развели южные цветы. Каменщики замостили подходы к парадным дверям и главную улицу. К великолепному губернаторскому дому, к офицерскому собранию, к генеральским городским дачам пристроились соседи: прочные купецкие домины и легкие чиновничьи домики.

Узбекские музыканты

Ташкент. Узбекский Государственный ордена Ленина академический театр им. Хамза

Чиновничий штат ширился; появились мелкие домовладельцы со сдачей в наем. Прибавлялось рабочего люда. Открывались казенки и кабаки. Курились ладаном церкви.

О Ташкенте этих времен Салтыков-Щедрин писал:

«Если вы находитесь в городе, о котором в статистических таблицах сказано: жителей столько-то, приходских церквей столько-то, училищ нет, библиотек нет, богоугодных заведений нет, острог один и т. д., — вы можете сказать, без ошибки, что находитесь в самом сердце Ташкента».

Город четко разделился на европейский и азиатский.

На границе между ними стояла древняя мечеть, место паломничества, место изучения Корана — Шайхантаур. Шумная улица между двумя мирами называлась индусским именем «Урда».

Здесь чиновник, купчиха и офицер могли получить порцию экзотики. Экзотика продавалась в азиатских чайханах и харчевнях в виде зеленого чая и плова. Здесь можно было обзирать пестрые восточные ковры и яркопалосые паласы; послушать дикий для «петербургского» уха восточный напев... На этой улице прятались на задворках харчевен курильни опиума и анаши. «Храбрые» дамы могли наблюдать, как из трущобы выходили живые покойники — терьякешы¹.

Но чем нарядней была Урда — тем глубже пропасть между двумя городами. Уже спелись русский и азиатский купцы: двойное ярмо готовилось замирному народу. Культура и цивилизация замыкались от него на десять замков. Торговле нужен был дикарь, темный и покорный. Дикарь, грузящий арбы по полкопейке за пуд, дикарь, не знающий цены хлопка, риса, шелка, абрикосов...

Мусульманский мулла служил верой и правдой му-

сульманскому и русскому промышленнику. Годы шли... На одной половине города уже были врачи, учителя, акушерки, библиотекари, ученые географы, журналисты; на другой попрежнему все еще властвовали знахари, колдуны, толкователи снов и священных книг, надсмотрщики за поведением женщин и безумные дервиши.

Русского обывателя пугали «разбойниками-сартами»; азиатского домостроителя пугали русскими «осквернителями святынь». Русский ребенок был обучен бояться смуглых, черноглазых ребят, разносящих трахому; черноглазые дети в халатиках думали, что «белые» оскверняют дыханием мусульманскую воду и хлеб.

Люди, которые при других экономических условиях могли бы притти на Восток как носители культуры, пришли как покровители невежества и варварства. Инженеры умели осушать болота, архитекторы — строить дома, врачи знали средства от вековых болезней, но знаний своих они здешним коренным жителям не принесли. Кое в чем коренные жители были культурнее пришельцев: восприимчивостью к искусству и знаменитой восточной вежливостью в быту. Завоеватели не ценили этого. Скупая драгоценные ковры и покрывала, собирая коллекции тончайших серебряных украшений, восторгаясь рисунками на древней посуде, на изразцах мечетей, — они смеялись над вековой культурой азиатских кустарей... Ученые исследователи хотели иметь дело с вещами, но не с народом.

В начале двадцатого века русский обыватель Ташкента полюбил выражение «Восток мстит».

Действительно, казалось — Восток мстил. Скученный в трущобах старого города, нищий, грязный, он был рассадником заразы. Трахома, парша, вши, блохи, крысы проникали изо всех щелей в европейский Ташкент. В заболоченных арыхах зрели мириады личинок малярийных комаров. Европейский Ташкент трясся в приступах малярии. Чиновничьи дети курили опиум и ана-

¹ Терьякеша — курильщик опиума.

шу. На привозах и на базарах, куда свозили свой товар забытые, темные дехкане, — стояла вонь гниющих плодов и гуденье навозных мух. С полей залетала саранча. Страшный среднеазиатский зной способствовал болезням и разложению.

И над всем этим висела пыль, пыль, пыль...

В русском городе уже провели электричество, установили телефоны. Шла конка. По краям улиц зеленели густые тополя и карагачи. В густом губернаторском саду пели соловьи; в городском играл военный оркестр. Потом отпраздновали открытие трамвайной линии. К этому времени до Ташкента дотянулась железная дорога.

Пока купцы и чиновники строили свои дома, на окраинах русского города вырастали бараки и мазанки. Бараки рушились, мазанки, не подновлявшиеся годами, облупливались и чернели. Строились нищенские домишки с палисадниками; в унылых двориках под гирляндами застиранного белья росли подсолнухи и мальвы. По свалкам и пустырям бродили худые псы. Тускло светились открытые двери казенок. Пьяных мужей вели истерзаные жены, как в Рязани, как в Туле, как в Миргороде.

Рабочего люда все прибавлялось. Уже работали табачная фабрика, маслобойный и хлопкоочистительные заводы. При вокзале густо селились рабочие железнодорожных мастерских. Проходом, проездом из России нищенствовали по окраинам «мужики прохожие», приходившие искать на азиатчине жирной и вольной земельки. В домишки набивались плотники, пильщики, каменщики, принятые хозяевами на койку. Иные ночевали на пустырях. Пустыри были огромны. И на пустырях, на дворах начали строиться чайханы для приезжего люда. Чайхана заменяла здесь чайную и постоялый двор. Хозяевами их были «азиатцы». Здесь на полатях и на по-

лу, на кошмах, грязных и стоптанных, как подметки, пили чай и спали вповалку люди в зипунах и люди в халатах.

Куртки из чортовой кожи и дехканские халаты терлись рукав об рукав.

Здесь впервые русский человек узнал, что:

— «Нет народа «сарт» — есть народ узбек.

Здесь впервые узбекский человек узнал: есть русский и русский. Один бьет, а другой пьет с узбеком из одной пиалы одну воду.

Здесь, в предместьях, впервые русская женщина промыла слипшиеся глаза узбекскому ребенку и впустила его поиграть к своим. Здесь русская прачка сложила в одну кучу потные рубахи русских и узбеков. И узбек задумался: следует ли верить мутле, что русская женщина развратна?

Не чиновник и не поп, а простой русский человек нес, как мог и сколько мог, свою скудную культуру среднеазиатским людям. И узбек платил ему гостеприимством: лепешку — пополам, чай — пополам, что понравится — бери.

В 1905 году здесь, как и во всей России, бастовал рабочий люд. В годы безвременья трудящиеся здесь, как и всюду, прятали подпольщиков-революционеров.

Мировая война гремела на весь мир, но отсюда она была далеко. Здесь были «покой», рисовый плов, фрукты. И 250 тысяч жителей этого города томилась в пыли, зное, малярии и тоске, — страшной, пустынной.

Мрачен был Ташкент в девятнадцатом веке, таким же вошел он в двадцатый век.

Ташкент стал советским 7 ноября 1917 года. После этого три года по Средней Азии бушевала гражданская война. Решалась судьба всего среднеазиатского Востока: быть ли ему попрежнему пустыней или стать цветущим садом.

Войска М. В. Фрунзе решили его судьбу.

В городском сквере

В 1920 году советская власть окончательно утвердилась в Ташкенте. Из рук русских красноармейцев и местных партизанских отрядов узбекский народ получил свою страну — Узбекистан.

Ташкент стал родиной для всех, кто в нем родился, кто в нем работал, кто свергал капиталистов и помещиков. Хозяин-узбек и его учитель — русский пролетариат — начали строить новый Восток. Их подстергали предательство и измена. Помещики и купцы мстили с неслыханной подлостью. Восточный купец был мастак хитрить и лгать с давних времен. Он пролез в советские учреждения, вредил и воровал — его разоблачали. В школах и университетах он сеял дикарскую теорию пан-исламизма. Он был высмеян. Тогда зарубежные фашисты научили его теории «национализма». И тот, кто ранее продавал свой народ русским промышленникам, захотел продать его теперь германским и японским.

Купцу и помещику нужен был агент: к его услугам оказались фашистские наймиты — троцкисты.

Буржуазный национализм и троцкизм прекрасно ужились в единой теории и единой практике: вредительство, воровать, провоцировать, грабить и убивать.

Они разрушали, а мы строили; они разрывывали, а мы заново собирали урожаи; они провоцировали народ на ненависть к советской власти, а народ, уничтожая их, теснее сплачивался вокруг Сталина и партии большевиков.

Буржуазные националисты и троцкисты вредили в колхозном строительстве. А колхозы Узбекистана стали миллионерами.

Буржуазные националисты и троцкисты мечтали изуродовать и сделать нищей столицу Узбекистана — Ташкент.

Вот советский Ташкент в 1937 году.

Первое впечатление — чудесная ясность неба и легкость воздуха.

— А где пыль? — растерянно спрашивает человек, видевший Ташкент еще десять, восемь лет назад: — Пыль, пыль-то где?..

Но он скорее найдет пыль в своем московском жилище, чем ранней осенью на ташкентских цветниках.

Небо Ташкента — синий шелк. Таким оно было, вероятно, и сотни лет, но ни узбеки, ни люди, приходившие в их страну, не могли узнать об этом из-за желтой лёссовой пыли...

Ташкентские тополя, прежде чахлые от пыли и зноя, высоко поднялись за эти несколько лет.

В утопиях писали о городах. Ташкент — город-лес. У подножья его тополей пестрят цветными влажными лужайками и поет, не умолкая, чистая вода арыков. Зной почти не ощущим.

Арыки журчали и прежде, но вода в них текла грязная, густая, желтая, — в них мыли посуду, стирали белье, в них купались собаки и гнили отбросы.

Ни одной незамощенной улицы, ни одной улицы, замощенной плохо или некрасиво. Третью всей городской земли одета в асфальт. 83 километра водопроводных труб несут свежую воду в прекрасные дома Ташкента.

На перекрестке главных улиц по краям асфальта сидят друг против друга два ряда черноглазых весельчаков. Перед ними лежат горы буйно перемешавшихся яркорозовых, бархатно-алых, оранжевых, золотых, желтых, фиолетовых, синих, белых цветов. Это каждодневный цветочный базар. Продавцы Зеленого треста заывают публику песнями и шутками.

В укромных тупиках цветут весной кусты шиповника и жасмина, а осенью поспевают на маленьких деревцах барбарис.

В этом городе — ровные, как стрелы, длинные аллеи. Они застроены большими, прочными домами. В окнах домов горит по вечерам апельсиновый, лунный и темнорозовый свет. По блестящим асфальтированным проспектам несутся автомобили и мотоциклы.

А в боковых улицах тихо и спокойно... Ранним вечером негромкая музыка течет из летнего Дворца пионеров; поет радио в городском саду, полном пряного запаха тропических растений. Гремит оркестр в саду Дома Красной армии.

На каждой, даже самой отдаленной улице Ташкента есть ряд новых громадных домов. Они многоэтажны, железобетонные или массивно сложены из кирпича. Отдельные огромные участки улиц обнесены забором: это — места строек. В Ташкенте нет больше пустырей.

Привокзальный район — бывшее сборище лачуг и нищенских чайхан, толпа барачков, кузниц, шатров, навесов над грязной рекой — Саларом — обратился в строгий, широкий проспект. Он напоминает Ленинград. Над Саларом висела на подпорках ночлежка-опикурильня, за ней шел ряд землянок, где прятались воры и скупщики краденого. Теперь на этом участке тоже строятся большие дома...

Из окон бывших военных дворцов и купеческих домин разносится чирканье бесчисленных пишущих машинок. И на каждом шагу, через каждые десять подездов или десять ворот крупные надписи: школа-десятилетка, школа-семилетка, детский сад номер такой-то, ясли номер такой-то. Вот он какой — советский Ташкент, столица социалистического Узбекистана!

— А позвольте, — тихо спросит приезжий, — а где тот, старый, азиатский город? Там, вероятно, все по-прежнему?

Быть может, ему даже чуть-чуть хочется пройтись по «экзотической» Урде: грязно, — зато красочно! Дико, зато можно потом похвалиться, что бродил по старому Востоку.

Увы, придется его разочаровать. Урды больше нет. Нет больше границы между Ташкентом «европейским» и «азиатским». Есть мост. По мосту грохочут грузовики, нагруженные строительным материалом. В широком арыке отражаются электрические фонари; вьется известковая пыль строительства, так непохожая на пыль старого Ташкента. И грязь и сор в старом городе тоже не похожи на ту, древнюю, азиатскую грязь: сейчас это земля, разрытая для кладки фундаментов, груды кирпичей, известка, мел, лес, стружки, доски. Развален и разрыт ветхий глиняный городок. Встают просторные каменные дома, расширяются улицы-ушеля, улицы-норы. Там, где нельзя было прежде разойтись двум нагруженным ишакам, — уже распахнулись площади и будущие проспекты. В старом городе сейчас неудобно ходить: путь преграждают глубокие канавы, кучи камней и досок; местами жители проходят, держась за стены; но проходят не бранясь, а улыбаясь и шутя. Перед каждым стоит виденье будущего: прекрасный, новый зеленый город. К 1941 году на месте старого азиатского города встанет великолетный и огромный район. Он столько же европейский, сколько узбекский, подобно тому, как новый, уже выстроенный Ташкент населен и узбеками и русскими. Время национальных разграничений невозвратно миновало: в одной квартире дружно живут рабочие — русские и узбеки; и нередко в одной семье узбечка и русский, или русская женщина и узбек воспитывают своих детей.

В бывшем старом городе (он назывался «старая махалля») сохранились ряды чайхан. Они чисты и уютны, их огромные ковры равно манят к отдыху и заезжего дехканина и советского интеллигента. На стенах висят красочные плакаты, стилизованно расписанные лозунги. В чайхане есть газеты. В сверкающих чистотой пинах дымится пленительный и горький зеленый чай, успевший очаровать даже презжих работников-москвичей. За чайханами голубеет листвою молоденьких тополей новый парк культуры и отдыха.

С давних времен в чайханах собирали народ певцы, сказочники, бродячие актеры, рассказчики новостей. В чайханах обсуждались не только базарные новости: здесь слышались первые тайные речи о будущей власти трудящихся: здесь скрывались революционеры, здесь прятались красные во время белого террора.

Но чайханой пользовались и враги. В чайхане вели агитацию переодетые шпионы, в чайхане подкулачники и муллы призывали травить и убивать женщин, сбросивших паранджу, пускали клевету, возбуждали темных людей против колхозов.

Советская власть построила красные чайханы. Красная чайхана сыграла огромную роль в борьбе за культуру, за школу, за раскрепощение женщин.

Ташкентцы

Смеясь над происками врагов, играют сотнями красок красные ташкентские чайханы. В молодом Парке культуры звенят дюторы; льются народные песни, древние мотивы, вековые строки о розах и соловьях сливаются с новыми строками о дружбе советских народов и об отце народов — Сталине, побеждающем всех врагов..

Нет больше Ташкента «европейского» и «азиатского». Есть единый советский, социалистический Ташкент с несчетным количеством школ узбекских и русских, детских садов, яслей, диспансеров, амбулаторий, техникумов, курсов и клубов.

И самое замечательное в Ташкенте — это то, что город классического невежества стал городом науки. В 132 школах, в многочисленных техникумах, институтах, научных лабораториях Ташкента учатся более ста тысяч молодых людей, узбеков и русских. Среди них две с половиной тысячи женщин в пестрых шелковых балахонах и тубетейках. Матери этих женщин еще донашивают паранджу на плечах и сетку из конского волоса на лице.

Медицине, истории, географии, геологии, химии, высшей математике, агрономии, советскому строительству, языковедению, литературе — всем этим дисциплинам здесь обеспечены верные кадры.

Ташкентская филармония прославилась на весь Союз. Ее резные дубовые двери широко раскрыты для одаренных юношей и девушек из кишлаков. Из ее затейливых мавританских окон с утра до поздней ночи несутся трели чистых, соловьиных голосов, звуки рояля, звон дютора, глухой рокот тамбура.

Ташкентские орденосные театры поражали москвичей в декаду узбекского искусства. Кто забудет Гюльсару? Кто забудет замечательные узбекские пляски? Эти театры теперь добиваются еще больших успехов в своей работе.

Почти в каждой ташкентской семье есть своя гордость и надежда: дочь «выходит в инженеры», либо пляшет, либо поет, либо хорошая ударница на фабрике. Сын — стахановец, студент, аспирант...

Народ, живущий в прекрасном городе Ташкенте, достоин глубочайшего уважения. Все эти годы он отстаивал свое счастье: он отстаивал дело Ленина—Сталина.

Враги народа пакостили в вузах, в техникумах, в школах; враги народа вредительски планировали улицы, срывали снабжение продуктами и промтоварами, воровали, пытались строить плохо и дорого. И всегда, везде им давал отпор народ, верный партии большевиков.

В ответ на все гнусные проделки врагов, народ их разоблачал и пел славу Сталину, большевистской партии, советской власти!

За годы советской власти в Ташкенте было выстроено около 100 промышленных предприятий.

Город имеет сейчас многотысячные великолепные кадры промышленных рабочих.

Железнодорожные мастерские, прославившиеся еще в годы гражданских боев.

Завод сельскохозяйственного машиностроения.

Завод текстильного машиностроения. Текстильный комбинат. Бумажные, макаронные, швейные, обувные фабрики, четыре электростанции.

На этих фабриках и заводах выросли и выращиваются непоколебимые ряды сталинцев, партийных и непартийных большевиков.

Город стал центром текстильной промышленности средне-азиатских республик.

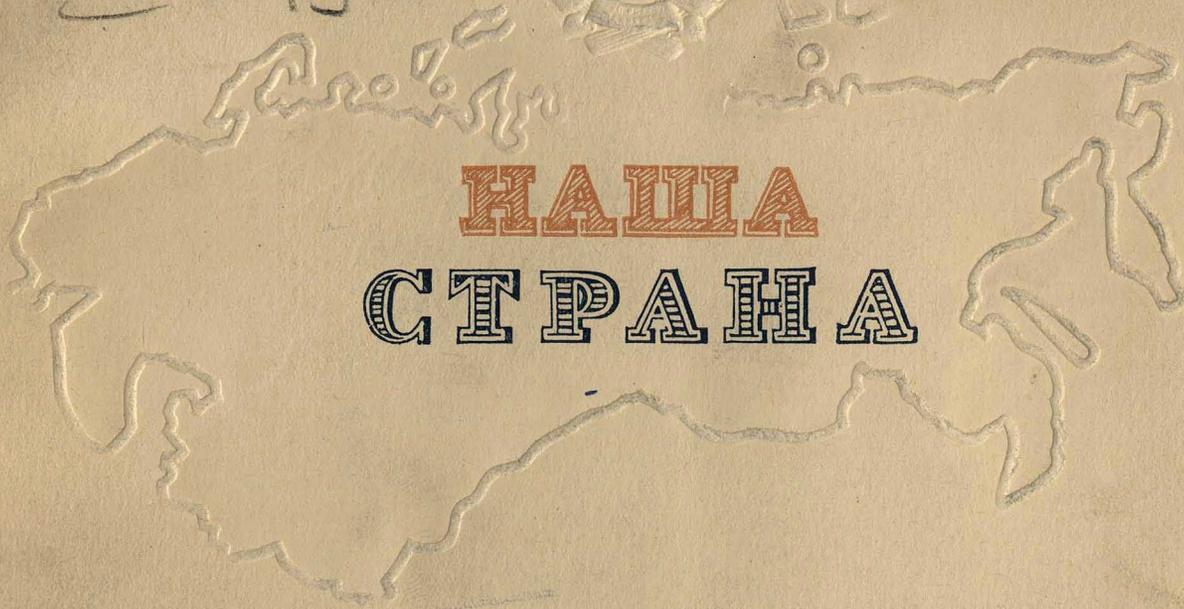
За Ташкентом раскинулся колоссальный участок Чирчикстроя. О Чирчике и его строителях надо много рассказывать в других очерках и статьях.

Трудящиеся ташкентцы достойны своего сказочного, прекрасного города, который они построили своими руками на месте прежнего пыльного Ташкента...

Вместе со всей Советской страной столица Узбекистана празднует Сталинскую Конституцию и выбирает в Верховный Совет СССР. По цехам заводов, по залам учреждений, институтов, гремят имена любимых вождей и знатных людей родины.

1.
Всесоюзная
Библиотека ЕКА
и
В. И. Ленина

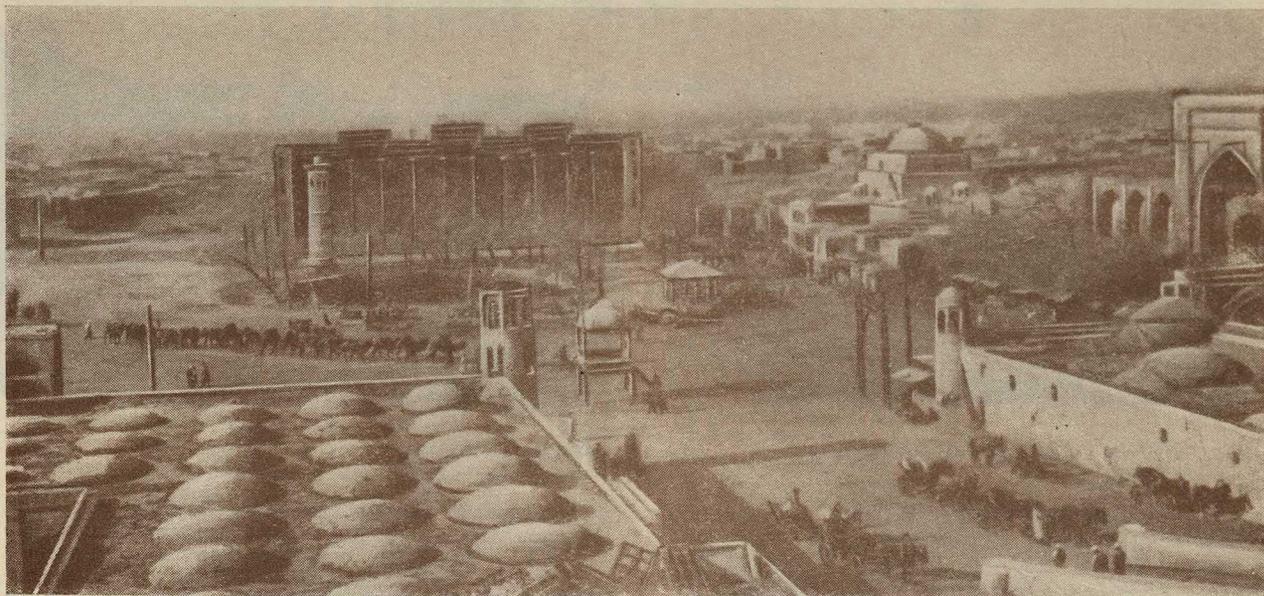
XIX 456
45

**НАША
СТРАНА**

3

1979

САМАРКАНД

А. Адалис

Рабы царя туранского Афросиаба возвели на берегу реки Зеравшан гигантский город, в котором могли бы жить великаны и богатыри. Он был, вероятно, подобен Микенам — древнему греческому городу, изумляющему археологов колоссальностью своих построек. Если верить преданиям, царь Афросиаб жил четыре-пять тысяч лет тому назад.

Сейчас за окраиной Самарканда на небольшой возвышенности остались лишь бесформенные насыпи, среди которых мелькают по ночам тени трусливых шакалов. Городище сохранило по сей день имя Афросиаб.

В 329 году до нашей эры в город вошел победителем величайший полководец древности — Александр Македонский, или, как зовут его на Востоке, Искандер Зюлькарнайн (Александр Двурогий). С тех пор и до новейших времен в Средней Азии помнят легендарного воина. Ему приписывалась постройка многих (теперь уже бесследно исчезнувших) дворцов, оросительных каналов, крепостных стен, башен.

При Александре области древних Мавероннагра, Бактрии, Согдианы и Маргианы — нынешние среднеазиатские республики — были цветущими культурными странами, покрытыми сетью оросительных каналов. Много сказок и легенд, сложенных о греческом полководце, дошло видоизмененными до наших дней. Даже в любовных песнях узбекские певцы сравнивают порой храбрость красивого юноши с храбростью Зюлькарнайна!

После греческих походов и времен эллинского влияния вплоть до средних веков о Самарканде было слышно сравнительно мало. Упоминания китайских летописей и путешественников не дают нам точных исторических данных об этом городе, его быте. Песчаная азиатская пустыня наступала на поля и сады, их заносили песком горячие ветры, заливали горные реки, менявшие свои русла. На смену оседлой культуре снова приходила кочевая жизнь.

Старинные путешественники описывали Среднюю Азию и в том числе район Самарканда весьма туманно, а авторы литературных произведений пугали читателей сказками о драконах, пигмеях, великанах и птицах-людоедах. Так, например, восточные фольклористы относят к долине Зеравшана сказание о птице Рок в странствиях сказочного Синдбада-Морехода. В описаниях «Тысячи и одной ночи» можно найти намеки на Самарканд в виде преданий о волшебном и опасном городе, «где-то за Персией».

Два века — с VIII по IX — Самаркандом владели арабы. Они разгромили городские дворцы, но возвели крепостную стену и создали военные укрепления. Насильственно насаждая ислам, они воздвигали новые мечети, не сохранившиеся до нашего времени. Время арабского владычества было эпохой бесконечных религиозных распрей, междоусобиц, кровавых столкновений между последователями разных мусульманских сект.

Этому среднеазиатскому средневековью на смену пришла своеобразная «эпоха Возрождения». Самарканд снова пережил расцвет при династии Саманидов. Развились торговля, промышленность, ремесла, искусства. К тому времени относится изобретение знаменитой самаркандской бумаги. Среднеазиатские шелка, вышивки, военное оружие, ножи прославились по всему Востоку. Развилось земледелие, культурное плодоводство. Об этом коротком «золотом веке» Туркестана и Самарканда сохранилось множество сказаний и легенд...

Во втором тысячелетии для Самарканда началась новая полоса катастроф и несчастий; эта эпоха была отмечена жестокой борьбой духовенства со светской властью, родовыми и национальными войнами.

Орды Чингисхана в 1220 году окончательно разгромили Самарканд, растоптали его древнюю культуру.

Однако, несмотря на все это, Самарканд продолжал жить. Народ, населявший речные долины

Азии, занимался земледелием, защищая от природы и исторических катастроф свою очень высокую земледельческую культуру.

Снова поднял Самарканд на огромную высоту Тамерлан — Тимур-Ленг — Железный Хромец. Стоя во главе полчищ, собранных со всех концов Средней Азии, он боролся за создание великого тюрко-монгольского государства; Тимур достиг громадных успехов. В 1380 году он пошел на Иран и покорил его; в 90-х годах XIV и начале XV веков Тимур завоевал Закавказье, Кавказ, южную Россию, Турцию, Сирию, Индию.

Своей столицей Тимур избрал Самарканд. Это было в 1369 году. Полководец принялся за украшение Самарканда. Истребляя побежденные народы, он дарил жизнь архитекторам, художникам и мастерам всех ремесел и перевозил их в Самарканд. Здесь они должны были строить мусульманские храмы, насаждать науку, искусство и совершенствовать население в ремеслах. Оседлые жители этих мест были легко восприимчивы к культуре. Развитие Самарканда пошло быстро. Город богател. От этой эпохи остались изумительные памятники зодчества.

Через сто с лишним лет Самарканд подпал под власть узбеков, а в 1784 году стал бухарским городом. В 1868 году на улицы древнего города вступили русские войска.

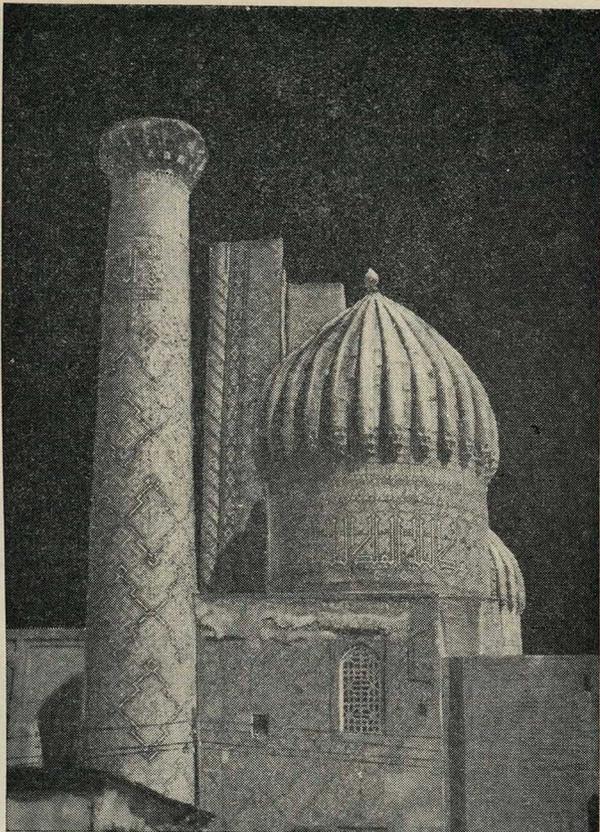
Путешественники, посетившие Рим, Афины и Индию, ставят голубые мечети, медресе и гробницы Самарканда наравне со знаменитым Колизеем, с греческими храмами и с индийским дворцом Тадж-Магал. Почти целиком сохранился Регистан — главная площадь, замкнутая с трех сторон медресе (духовными школами), мечетями (Тилля-Кара, Шир-Дор и Мирза Улуг-Бек), сложенными из ярко-лазурных изразцов, испещренных кудрявыми золотыми письменами — цитатами из корана. Минареты с непостижимым архитектурным искусством поставлены наклонно: они как бы падают, но их не разрушило ни одно из землетрясений, пережитых Самаркандом.

Биби-Ханым — по народному преданию, усыпальница молодой жены Тимура, ею же выстроенная, — сохранилась хуже. Но ее нежнозеленоватый купол и голубой полукруг обвалившейся стены еще прекрасны по своей грандиозности и удивительной нежности очертаний.

Биби-Ханым высится за так называемым «кишмишным» базаром, а медресе и мечети Регистана — за базарным пассажем тюбетеек. Жизнь кипит у подножия мертвых памятников. Торгуют магазины и колхозные ларьки; режут ишаки, ржут кони; снуют новенькие автобусы; зеленеет молодой сквер, разбитый на месте базарной свалки; пылают пурпурными плакатами и коврами красные чайханы; стоит очередь за газетой; снуют горожане с портфелями и приезжие дехкане в полосатых халатах, подпоясанных вышитыми поясами; продается любимое узбекское мороженое — простой снег, политый виноградной патокой, из громкоговорителя несутся «Последние новости»; древний старик с библейской бородой погоняет заостренной палочкой маленького ослика...

А на окраине, вблизи Афросиаба, за садом чинар виднеется древняя группа мавзолеев и бирюзовая мечеть Шах-Зинде, почти не обезображенная временем. В саду есть квадратный проточный пруд — хоуз. В хоузах когда-то совершали омовение богомольцы, прежде чем войти в мечеть. Прохладные квадраты хоузов блестяли не только в садах мечетей, но и во дворах домов.

В противоположной стороне стоит гробница самого Тимура — Гур-Эмир, увенчанная слегка позолоченным тюрбаном в форме дольчатой дыни.

Самарканд. Мечеть Шир-Дор

Самарканд. Медресе Улуг-Бек

Фото А. Глазова

За гробницей — пустырь. На пустыре — горы извести и глины, камни, доски, грузовики. Стройка!

Как и все города Средней Азии, Самарканд еще делится на Старый и Новый. Бывший «туземный» и бывший «европейский» — бывший народный и бывший колонизаторский. Как и во всех городах Средней Азии, этому делению пришел конец.

Только для восторженных туристов было наслаждением ходить по узким, как ущелья, улицам «туземной» части, по душным земляным коридорам, мимо засоренных арыков, мимо слепых глиняных стен без окон. В верхние щели глинобитных хижин, обращенных спинами к узким улицам, можно было разглядеть внутренние дворики, окруженные тузовыми деревьями. Здесь стояла тишина; у очагов хлопотали бессловесные рабыни — узбекские женщины; тянулась жизнь, полная изувержства, унижений, болезней и невежества.

На пыльных базарах, заваленных шелком и коврами, пахло разложившимся мясом, переспелыми, раздавленными фруктами. Орала мусульманские монахи — «дервиши», нищие, юродивые, калеки. Во дворах древних мечетей, в медресе старые пройдохи опутывали народ мрачной ложью корана и шариата, забывали умы детей фанатическими бреднями. Оттуда разносились глухие сумасшедшие выкрики дервишей, доходивших в «зикрах» — радениях — до иступления. Там в период революции враги снабжали темных людей ядом, ножами и обрезками и посылали их против всего свободного и светлого, что вторгалось в застойный мир старой Азии...

За определенной чертой шумел зеленью парков и гордился фасадами прекрасных европейских зданий город чиновников и жандармов — «европейская часть». Широкие мощеные улицы, кондитерские, кофейни, ограды садов, экипажи...

Но пришел конец старому азиатскому городу. От старого в Самарканде остались исторические памятники изумительной красоты; пестрота ковров и тканей; манускрипты, старинные книги; остались секреты высокого мастерства в ручных производствах — керамическом, ковровом, вышивальном; остались легенды, сказки, предания, музыкальные инструменты. Людям нашей страны дано право отбирать у прошлого лучшее и отбрасывать то, чему пора умирать.

«Старая» и «новая» части города становятся одинаково удобными, чистыми, нарядными, навсегда сливаются вместе.

В домах бывшей «азиатской части» застекленные окна. Теперь даже в старых жилищах прорубают оконные отверстия в стенах. В окна врывается солнце, ветер, шум улиц и площадей. Дома строят иногда каменные, иногда сложенные из сырцового кирпича, а иногда и по-старому глинобитные. Они красиво украшены. Молодые художники Узбекистана — живописцы, графики, ученики художественного техникума и более опытные мастера — решили сделать один из древнейших и пленительнейших городов земли еще более красочным. Они разрисовывают внутренние стены жилищ, бордюры домов. Окна некоторых магазинов, украшенные плакатами, выглядят, как выставки картин.

За Самаркандом, за городищем Афросиаба, за участком холмистой степи есть пригород Мира-Хури. Там с двух сторон склоняются над быстрым арыком зеленые ветлы; терпко пахнут кусты бузины и барбариса; из-под мостков, перекинутых через пенный арык, выплывают стаи утят с зелеными головками. На склонах насыпей цветут

капорцы. У дверей новых жилищ сидят на коврах добродушные, веселые старики. Молодой хозяин виноградника копает землю и поет. За поселком — снова степь. В степи, на склоне холма, поросшем жесткой желтой травой, есть таинственный ход под землю. Лестница ведет в подземный колодец, в горле его помещены вертикально две каменные дуги, по которым, как по рельсам, ходила астрономическая труба. В самом колодце, через верхнее отверстие, бледный свет озаряет каменный круг, на нем вырезаны изображения звезд, солнца, луны; обозначены названия планет, а также изображены их символы в виде фигур животных. Это Пои-Рассад-Улуг-Бек, знаменитая некогда обсерватория известного на Востоке ученого Улуг-Бека, внука Тимура, обнаруженная при раскопках в 1908 году.

Со времен внука Тимура до 1917 года никому неизвестная, пустая обсерватория была единственным «научным учреждением» города Самарканда. Советская эпоха дала Самарканду научно-исследовательские институты, вузы, техникумы, большое количество средних школ. Десятки молодых ученых работают в советском Самарканде: геологи, метеорологи, историки, медики. Одни находят следы бронзового века или доисторических культур, другие исследуют тяжкие тропические болезни; молодые языковеды ищут ключ к удивительным сказкам и преданиям, геологи — доступ к редким минералам. Еще не так давно пробравшиеся к управлению троцкистские ублюдки пытались подавить культурно-бытовую революцию в Самарканде. Они закрывали красивые чайханы, провоцируя недовольство населения. Под предлогом европеизации запрещали народные песни, игру на национальных инструментах; беспланово сносили старые жилые дома в Самарканде, не приступая к постройке новых; отменяли указы и постановления об охране памятников старины. Строчкистскими провокаторами действовали заодно буржуазные националисты, которые клеветали на советскую власть и русский рабочий класс, прославляя отжившие обычаи и якобы «доброе старое время». Но врагам не удалось повести за собой народ, их ставка была бита. Сегодняшний Самарканд расцветает, как прекрасное произведение искусства, национальное по форме и социалистическое по содержанию.

Весь в яркой зелени карагачей, вековых тополей и платанов, Самарканд радостен и свеж. С далеких Гиссарских гор веет холодком. Успокоительно журчат арыки; верещат пестрые птицы в садах, играют дети.

Тысячи людей отдыхают после трудового дня на улицах, не боясь тончайшей лессовой пыли, которая была так удушлива в прежнем Самарканде, а сейчас почти исчезла на политых улицах и лишь чуть-чуть туманит голубой воздух. Люди без конца пьют чай, едят дыни, лепешки, изюм с каленым горохом, огромные огурцы, вызывающие удивление у приезжих. И все это — на улицах, под открытым синим небом, на помостах, покрытых коврами и паласами, под шумящей листвой карагачей. В бывшей азиатской части Самарканда много таких национальных узбекских чайных — красных чайхан.

В красных чайханах колхозники-садоводы и хлопкоробы, приезжающие из окрестных кишлаков, беседуют, читают, слушают радио, поют, слушают народных певцов. Прежде здесь распивали чай самодовольные базарные торгаши, здесь покупали анашу (гашиш); слушали рассказы дервишей — бродячих мусульманских монахов; сюда приводили «бачей» — кокетливых и развратных мальчиков с насурменными бровями. В чайханах попроще шумно беседовали крестьяне и мелкие ремесленники, истомленные трудом, но по-детски радовавшиеся песне и пиаале зеленого

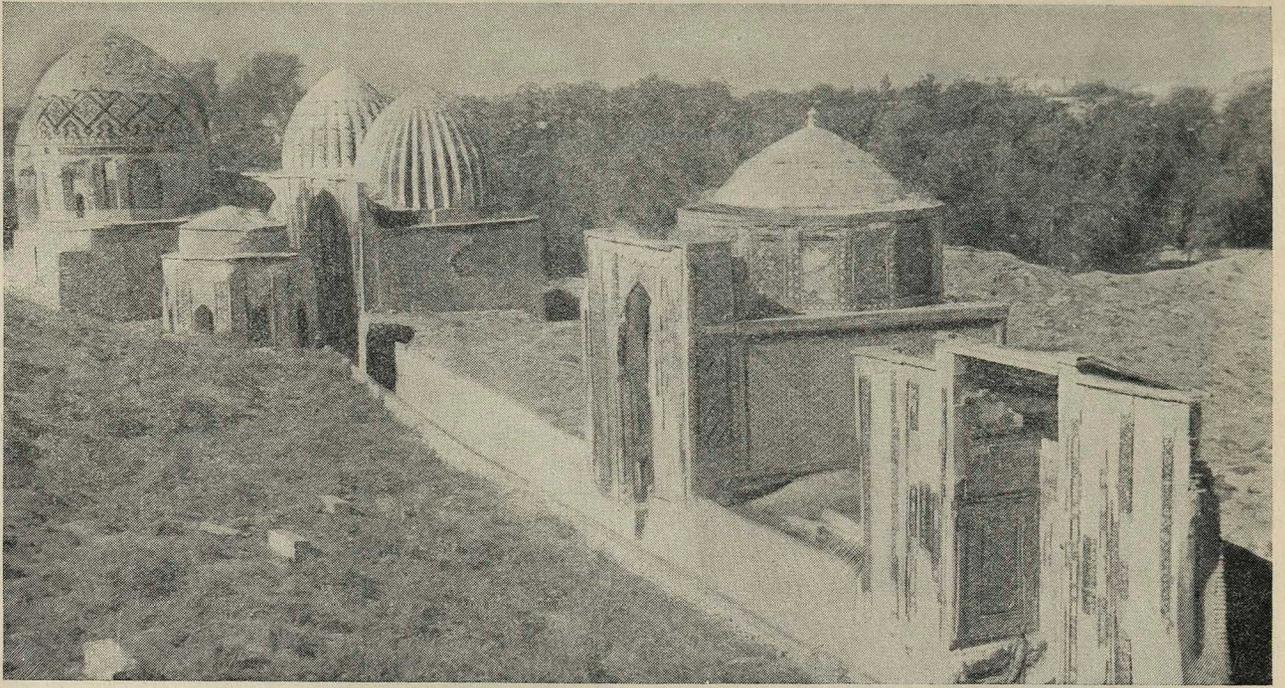
УЗБЕКИСТАН

Узбечка с виноградом

Шахимардан осенью,
Фото Д. Дебабов

Самарканд. Мавзолей Шах-Зиндэ.

Фото А. Глазова

чая после бесконечного знойного дня. Чайхана — прообраз клуба, место отдыха, место, где создавалось общественное мнение, где обсуждались новости. Самаркандские чайханы нередко играли политическую роль. Это учили среднеазиатские большевики. Одной из специфических черт культурной революции в Узбекистане явилась красная чайхана — чайная-клуб с читальней, иногда с консультацией по бытовым, юридическим и другим вопросам.

Город Самарканд был первым в Средней Азии, где по соседству с мавзолеями и храмами появились благоустроенные красные чайханы.

Город Самарканд был первым в Средней Азии, где в чайную-клуб наравне с мужчинами стали заходить раскрепощенные женщины, где устраивались собрания по культурным и бытовым вопросам.

На улицах Самарканда почти никогда не встретишь женщину в парандже и чачване. Эта дикая «специфика» древнего азиатского города исчезла навсегда. Огромное большинство узбекских девушек — учащиеся. Около трети самаркандских узбечек работают на фабриках (швейной, текстильной), на кожевенном заводе имени Ахун-Бабаева, механическом заводе «Дехканин», на заводах винном и шамотном, в кустарных артелях.

В городе работают артели замечательных самаркандских мастеров — тюбетечниц, вышивальщиц сюзанэ, красильщиков шелка, гончаров.

Люди, побывавшие в Самарканде, втором после Ташкента городе Узбекской ССР, тянутся туда снова. Недаром говорят узбекские поэты:

— Кто раз услышал, как пахнет самаркандская земля, тот ее никогда не разлюбит...

Новая гостиница в Самарканде.